

Лермонтова читает Мордвинов. Арбенин, Демон, Калашников, Мцыри... мы слышим поэта — это его страдания, его проклятия, его любовь. Чтение Мордвиновым Лермонтова — всегда открытие для слушателей, порой для лермонтоведов.

После концерта мы беседуем с Николаем Дмитриевичем.

— Сколько бы я ни читал, ни играл Лермонтова — у меня перед глазами его жестокая, трагически ранняя гибель. Слово я сам при ней присутствовал. Слово это только что произошло. Горечь невозвратимой утраты волнует меня, сопутствует моим работам. Он торопился, предчувствуя скорую кончину. Ему некогда было ждать. Действовать, действовать — каждый день, каждый час. Такие и герои его: Демон, Арбенин, Калашников, Мцыри. Они действительны, открыто не приемлют ханжества, лицемерия, подлости. Они не прячутся под маску благонамеренности и верноподданничества. Многого понимаешь, когда «пропускаешь» их через биографию «распятого поколения», через биографию Лермонтова.

Арбенин — могучий ум. Плоть от плоти этого общества. Он стремится властвовать над ним, но и презирает его. Большое мужество нужно, чтобы выйти из круга людей, которому принадлежишь. С какой горечью он восклицает: «Что же я там (в маскарade) делал!», то есть, на что растрачиваю себя! Арбенин приходит к Звездичу, чтобы убить его. Его страдания, тягостны: «Так, так, он будет жить...» — решает Арбенин, — убийство уж не в моде: убийц на площадях казнят». И мне неожиданно на одном из спектаклей раскрылось: каких убийц тогда казнили на площадях?! Вот, оказывается, о чем думал Арбенин!

— У вас — три Арбенина. Первый в кино, потом, почти через десять лет, в театре и теперь новая постановка «Маскарада» в театре Моссовета — это третий Арбенин?

— Нет, Арбенин один. Но, как мне кажется, он становится глубже, сложнее, категоричнее в своем отрицании.

Тогда, почти четверть века назад, когда режиссер С. Герасимов предложил мне сниматься в его фильме, я был далек в мыслях от «Маскарада». В моем списке желанных ролей Арбенин не занимал первого места. Я не был к нему готов. Понят он был тогда, как образ романтический, и сыгран скорее по наитию. Мне было ясно: Арбенин жесткий, острый. К нему опасно притронуться — порежет. Громадный талант, большие крылья. Но силы растрчены попусту. Он торжествует Пиррову победу. Крылья его сломались. Кстати, когда я это понял, родился внешний облик. Жесткая прядь, как сломанное крыло, изогнувшись, упала на лоб...

— ...А потом как изменялся образ?

— Внешне он остался прежним. Но в сценической редакции меня увлек могучий интеллект Арбенина. Он пытается разобраться в добре, зле, ненависти, доверии... Мне кажется теперь, что тогда я подчинил остальную его жизнь философским размышлениям. Он стал рациональнее, а это опасно для лермонтовского героя.

За 250 спектаклей в душе накопилось немало. Каждый спектакль прибавлял что-то новое. И в последней вдохновенной редакции «Маскарада» режиссера Ю. А. Завадского я чувствую: роль Арбенина приобрела легкость, стремительность, горячность, не умалив философичности.

— Вы принимаете Арбенина как личность — полностью?

Как современный человек, я должен остановить его, удержать от преступления. Но это я говорю ему дома. А на сцене я весь с ним, мы едины. Холодный, замкнутый, потерявший веру во все че-

ловек раскрывается перед Ниной, как Демон перед Тамарой, во всем богатстве мыслей и чувств, а потом, усомнившись, простить себе этого не может. Смерть Нины — это не только ее смерть, это казнь обоих. Лермонтов каждого своего героя приводит к крушению личности, это — закономерность его века.

— Николай Дмитриевич, если бы в зале сидела только одна молодежь, что бы вы ей захотели сказать своим Арбенином?

— Мы, актеры, считаем свое дело сделанным, если взволновали зрителей, дали повод думать, переживать... В этом спектакле нам хочется, чтобы зрители поняли, «что значит, когда мужчина плачет». Что значит, когда изнемогает гордый ум, и кто погубил его. Как мог он глубоко чувствовать, понимать, оценивать, какой богатой духовной жизнью мог жить. Так человек через протест, негодование, иногда через свою смерть может идти к правде, к истине.

И это Лермонтов.

Рис. П. БУНИНА.